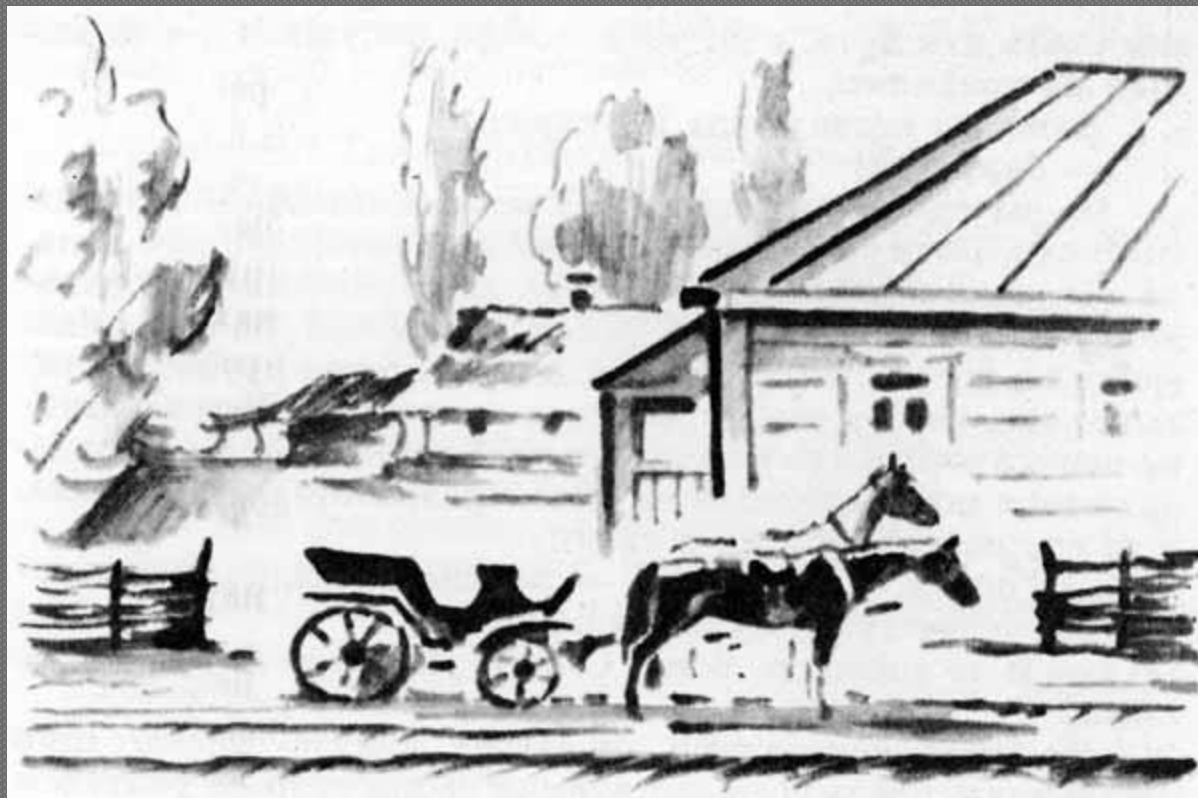

Смысл названия романа «Тихий Дон»

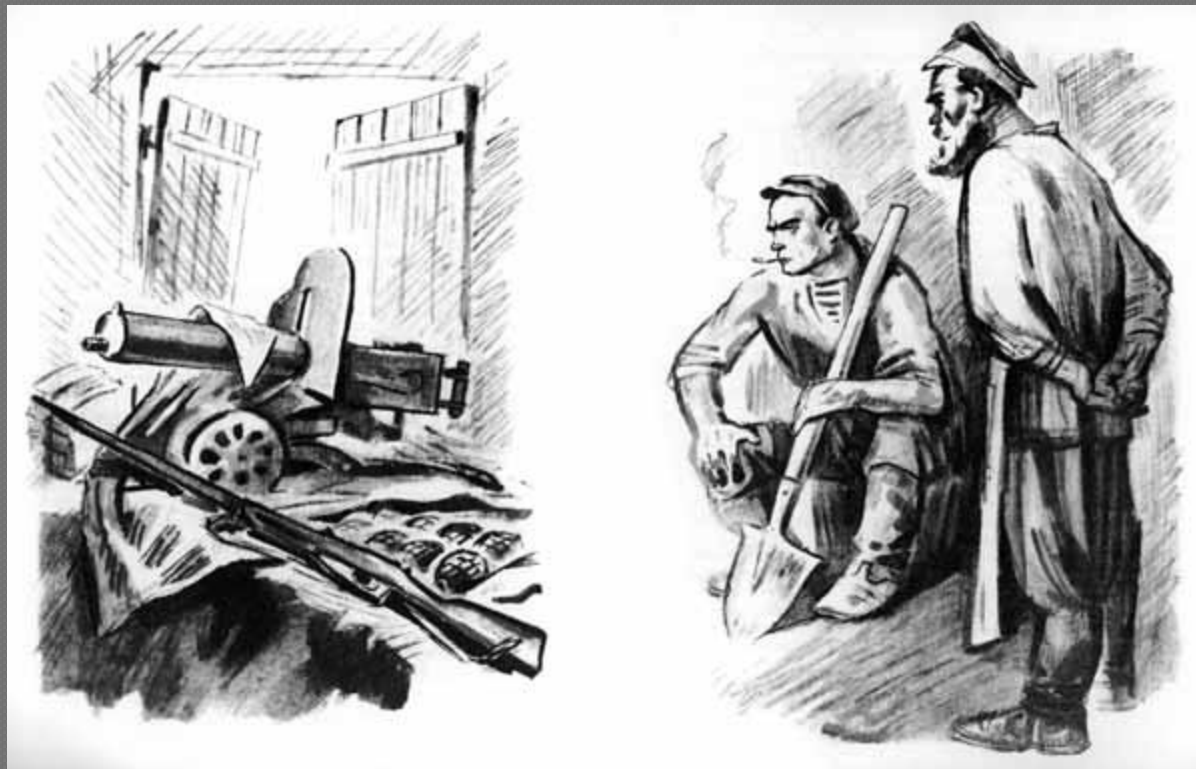
Тональность авторского повествования в «Тихом Доне» во многом задана эпиграфом к роману, широкими эпическими параллелями старинных казачьих песен, их лирической интонацией, эмоциональным подъемом. От образов «славной землюшки», «батюшки тихого Дона» протягиваются нити к образной системе романа. «Ой ты, наш батюшка, тихий Дон!» – так издавна в своих песнях обращаются к великой реке донские казаки. Хотя от Днепра и Терека до Яика и Амура раскидало казачество хутора за свою многовековую историю («казаки» упоминаются в летописи с 1549 г.), для любого русского человека эта река прочно связана с судьбой и укладом казаков. Простое на первый взгляд название вобрало в себя все смысловое богатство грандиозного романа-эпопеи, стало символом судьбы лихих казаков.

Там, где лед отошел от берега, видно, как тихий Дон катит свои живые воды в вечность свидетелем или участником описываемых событий, входит в образную систему произведения как ее составная часть, выступает как индивидуальный человеческий характер, как мыслящая личность со своими стремлениями, своим отношением к людям, своей особой судьбой.

Как исторически сложившееся объединение изначально казаки были независимыми, свободолюбивыми воинами, селились по окраинам русских земель, защищались от набегов кочевников, промышляли набегами на чужие пределы. Преодолевая устоявшиеся обычаи и запреты, в свободное от военных действий время они занимались земледелием. И донское казачество не было в этом исключением. Земля на Дону, особенно Нижнем, плодородная; говорят, воткни в нее палку – прорастет. Да и нет в ней особого дефицита: бескрайни донские степи. «Степь-матушка, Дон-батюшка» – так величали их казаки, тихий Дон называли кормильцем. И действительно: оплодотворят щедрые воды Дона степь – и родит она богатый урожай на радость казакам и в пользу их хозяйств. Потому и располагаются казачьи хутора по берегам могучей реки, где есть и необходимая всякому земледельцу вода, и рыба водится в изобилии, и водный путь гладок да широк.

На донском берегу расположился и хутор Татарский станицы Вешенской: «Мелеховский двор – на самом краю хутора. Ворота со скотиньего база ведут на север к Дону. Крутой восьмисаженный спуск меж замшелых в прозелени меловых глыб, и вот берег: перламутровая россыпь ракушек, серая изломистая кайма нацелованной волнами гальки и дальше – перекипающее под ветром вороненой рябью стремя Дона» – так начинается роман М. Шолохова. Размеренная жизнь земледельца подобна течению реки: течет вода – идет время, немудреные события казачьей жизни сменяют одно другое: пахота, посев, покос, жатва. Но как неизменны речные берега, так неизменна в основе своей и жизнь на лоне природы: за зимой приходит весна, жатву сменяет пахота. И где бы ни странствовал донской казак, по возвращении первым его встретит по-прежнему полноводный и тихий Дон-батюшка: «Бывало, отслужат казаки в Атаманском полку сроки, – снаряжают их к отправке по домам.

Грузят сундуки, именье свое, коней. Эшелон идет, и вот под Воронежем, где первый раз приходится переезжать через Дон, машинист, какой ведет поезд, дает тихий ход, – самый что ни на есть тихий... он уже знает, в чем дело. Только что поезд выберется на мост, – батюшки мои!.. что тут начинается! Казаки прямо бесятся: «Дон! Дон наш! Тихий Дон! Отец родимый, кормилец! Ур-р-ра-а-а!» – из окна кидают, с моста прямо в воду, через железный переплет, фуражки, шинели старые, шаровары, наволоки, рубахи, разную мелочь. Дарят Дону, возвращаясь со службы. Бывалоча глянешь, – а по воде голубые атаманские фуражки, как лебедя али цветки, плывут... Издавна такой обычай повелся».

Циклично как природное время, так и сама жизнь казака-землепашца, жизнь в целом: с рождением ребенка начинается новый круг его существования. Умирая, человек продолжает себя в своих детях и таким образом обретает бессмертие. Поэтому так много места уделяет Шолохов истории казачьих родов: Мелеховых, Коршуновых, Листницких; поэтому так важно для писателя, крепок ли род героя, не лягут ли грехи отцов на плечи детей, как всю жизнь поломало Аксинье двойное преступление, совершенное ее родными. Не понимая значения для казака семьи, рода, трудно объяснить слова автора: «Отсюда и повелись в хуторе горбоносые, диковато-красивые казаки Мелеховы, а по-уличному – Турки».

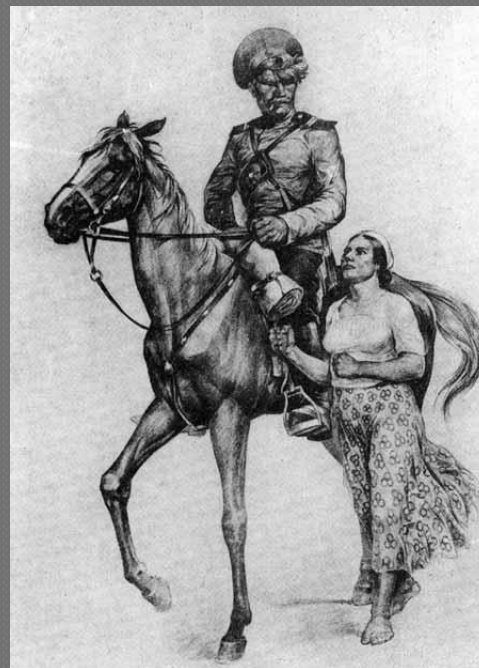

Но если жизнь казака-землепашца спокойна и циклична, то казак-воин несет ответственность за жизнь своих родных и судьбы родины в целом. Историческое время вламывается в хутор, срывает его с родных мест и ведет на войну. Не может казак оставаться безучастным и равнодушным, так как с детских лет приучен он к седлу и шашке, воспитан на рассказах о боевых доблестях донцев, и примет за оскорбление отказ от воинской службы, тем более тогда, когда враг хозяйничает на его родной земле. И жизнь казака-воина измеряется не сменой времен года, а учениями и походами, сражениями и подвигами. В периоды военных походов историческое время линейно, в нем нет повторений, и не имеет значения, какое время года на дворе – лето или зима.

С изменением привычного для казаков образа жизни заглавие романа приобретает новый смысл: не река Дон, а земля Донщины, издавна заселенная казаками, имеется в виду, и от века нет покоя этой земле. И в этом значении «Тихий Дон» – оксюморон, взаимопротиворечивое сочетание слов. Именно об этом казаки издавна слагали песни, строки из которых Шолохов взял эпиграфом к своему роману: «Не сохами-то славная земляшка наша распахана... Распахана наша земляшка лошадиными копытами, А засеяна славная земляшка казацкими головами, крашен-то наш тихий Дон молодыми вдовами, Цветет наш батюшка тихий Дон сиротами, Наполнена волна в тихом Дону отцовскими, материнскими слезами. В романе Шолохова Дон не тихий, а буйный: идет братоубийственная война, льется кровь, один за другим гибнут казачьи роды. Как и в старинной песне, проливают казаки кровь за родную землю, бьются с врагами и друг с другом, но не зерном засевают казаки степь, впитывает она их кровь; страшные урожаи предстоит собирать их матерям и женам.

Ворвавшаяся в донские земли война не пощадила никого: каждая станица, каждый курень столкнулись с горем. Антитезой в «Тихом Доне» становится земля, так много значащая для казака: «Заходило время пахать, боронить, сеять; земля кликала к себе, звала неустанно, день и ночь, а тут надо было воевать, гибнуть на чужих хуторах». Поэтому и слово «страда» у Шолохова наполнится иным смыслом – станет метафорой смерти: «Станицы, хутора на Дону обезлюдели, будто на покос, на страду вышла вся Донщина. На границах горькая разгорелась в тот год страда: лапала смерть работников, не по одному уж простоволосая казачка отпрощалась, отголосила по мертвому...»

Возвращаясь домой, казаки находят свои дома осиротевшими: семь человек родных недосчитался Григорий к моменту своего последнего возвращения в Татарский, навсегда пресекся род Листницких, дотла сожжены курени и «белого» Коршунова, и «красного» Кошевого. Лишь «тихий Дон», никогда не знавший покоя, внешне спокоен, но в это страшное время он красный от пролитой крови, соленый от вдовьих и материнских слез: «Уж как то мне все мутну не быть, Распустил я своих ясных соколов, Ясных соколов – донских казаков. Размываются без них мои крутые бережки, Высыпаются без них косы желтым песком». Но как не иссякнуть щедрому потоку тихого Дона, так не пресечься и донскому казачеству: многие сложили в бескрайних придонских степях головы, многие покалечены и телесно, и духовно войной, но не убила война в казаках волю к жизни. Не дождавшись конца войны женится Кошевой, и жена ему досталась отменная, крепкой мелеховской породы. Григорий, вернувшийся домой ранней весной, понимает, что удержало его на этой земле: «Что ж, вот и сбылось то немногое, о чем бессонными ночами мечтал Григорий. Он стоял у ворот родного дома, держал на руках сына... Это было все, что осталось у него в жизни, что пока еще роднило его с землей и со всем этим огромным, сияющим под холодным солнцем миром».

Замкнулся великий круг великого романа: главный герой вернулся туда, откуда начал свой трагический путь, вернулся ранней весной, когда тает первый лед и природа уже готова вновь расцвести, будто в первый раз. Жестоко испытывала Григория судьба, носила жизнь по чужим полям и городам, пытаясь вырвать с корнями из этой земли, навсегда лишит родины, но не сломила его характера, не оборвала нитей, связывающих его с Доном, с его бескрайними степями. И возвращались на родину казаки – сыны великой реки, чтобы жить и пахать свою землю.

